

Пэйо Жюль

О веровании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж97

Ж97   **Жюль П.**
О веровании / Пэйо Жюль – М.: Книга по Требованию, 2023. – 174 с.

ISBN 978-5-519-80080-8

ISBN 978-5-519-80080-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе	1
Введеніе	9

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Предметъ вѣрованія.

I. Опроверженіе существующихъ теорій.	16
II. Что такое объективная реальность?	22
III. Природа нашего представленія дѣйствительности	31
IV. Природа нашего представленія реальности.	49
V. Истинный объектъ всякаго вѣрованія	80

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Природа вѣрованія.

I. Сущность вѣрованія.	95
II. Метафизическія соображенія.	105
III. Вопросъ о правѣ	116

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

Механизмъ вѣрованія.

I. Роль идей и чувствъ въ вѣрованіи	118
II. Наша власть надъ нашими вѣрованіями	129
III. Религіозная вѣра, какъ доказательство того, что вѣро- ваніе добровольно.	139

II

IV. Наша власть надъ вѣрованіемъ другихъ. Природа и предѣлы этой власти	стр. 150

Практическія заключенія.

Глава I	161
Глава II	164

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Произведеніе, которое мы предлагаемъ публикѣ, — не результатъ импровизаціи. Оставляя скамьи Сорбонны десять лѣтъ тому назадъ, авторъ уже набросалъ первый очеркъ своего труда, и уѣзжалъ изъ Парижа съ готовой и, что еще лучше, плодотворной идеей: онъ не замедлилъ убѣдиться, что вопросъ о вѣрованіи — главный вопросъ психологіи, морали и воспитанія. Втеченіе десяти лѣтъ, въ благодѣтельной тиши провинціальныхъ городковъ, которые одинъ мыслитель сравнилъ съ монастырями, онъ ограничивался, если можно такъ выразиться, устраненіемъ всего, что мѣшало правильному росту его мысли, и медленной, неустанной разработкой своего произведенія.

Во время развитія этого произведенія отъ него отдѣлился въ видѣ бокового побѣга первый томъ «Воспитанія воли», успѣхъ котораго превзошелъ надежды автора. Теперь является настоящій этюдъ о вѣрѣ; хотя бы мы стремились только къ истинѣ безъ всякихъ побочных соображеній, нельзя пренебрегать практическими заключеніями глубокой важности, вытекающими изъ изслѣдованія механизма вѣрованія.

Авторъ скоро пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности современной психологіи, ограничивающейся интеллектомъ. Кузенъ, Жюффруа и другіе философы-эклектики съ достойнымъ сожалѣніемъ успѣхомъ постарались возстановить традиціи, счастливо порванныя Спинозой и Лейбницемъ; отказались отъ дальнѣйшаго плодотворнаго развитія картезіанской философіи и ограничились тѣмъ, что

было самого узкаго у ихъ учителя: искалѣчили человѣческую природу, сведя ее къ чистому интеллекту.

На этихъ несостоятельныхъ мыслителяхъ, не оцѣнившихъ значенія «Трактата о страстяхъ» Декарта, лежитъ вся отвѣтственность за современное состояніе умовъ. Это искалѣченіе нашей природы должно было логически привести къ дилетантизму, т. е. къ искусственной и вскорѣ утратившей всякое реальное содержаніе жизни и къ исключительному культу литературнаго таланта,—культу, верховнымъ жрецомъ котораго явился Ренанъ съ его плоской философіей и презрѣніемъ къ толпѣ.

Еслибы эти доктрины остались чистой спекуляціей, бѣда была бы небольшая. Къ несчастью доктрины воплощаются въ людяхъ, а люди живутъ, осуществляютъ ихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и—что еще важнѣе—упрочиваютъ ихъ губительныя послѣдствія, организуя воспитаніе молодыхъ поколѣній: воспитаніе—критерій достоинства философской системы. А современное воспитаніе къ прискорбію носитъ на себѣ печать породившихъ его доктринъ, такъ какъ съ безотрадною логикой ограничивается обученіемъ.

Начинается тревога и поворотъ въ новую сторону,—давно пора! Но всѣ усилія останутся тщетными, если не будетъ предпринята общая и коренная реформа воспитанія: пора перестать видѣть въ человѣкѣ чистый интеллектъ, пора проникнуться той (только съ виду бакальной) истиной, что человѣкъ есть сложное цѣлое, элементы котораго связаны неразрывно.

Нужно ли послѣ этого доказывать своевременность нашего труда о вѣрованіи, цѣль котораго показать, что интеллектъ не есть самостоятельная сила, *но что мы думаемъ и вѣримъ всѣмъ своимъ существомъ, нашимъ тѣломъ такъ-же, какъ нашей чувствительностью и нашимъ разсудкомъ?*

Мы также отводимъ разсудку его настоящее мѣсто: онъ данъ намъ не для того, чтобы *познавать*, но чтобы *освѣщать нашу дѣятельность*. Мы не повторимъ грубаго замѣчанія Массимо д'Азелио, будто посредственный чиновникъ болѣе полезный членъ общества, чѣмъ величай-

шій живописецъ; но думаемъ, что пора возстать противъ чрезмѣрнаго прославленія ума и таланта насчетъ воли. Воздадимъ должное уму и таланту: они украшаютъ жизнь, которая безъ нихъ сдѣлалась бы безцвѣтной, но восхваляемъ и характеръ, и волю, которые дѣлаютъ индивидуальную жизнь спокойной, счастливой и плодотворной и не даютъ націямъ погибнуть. Будучи афинянами, не станемъ презирать Спарту; лучше, по примѣру римлянъ, постараемся примирить литературный геній съ дѣятельной энергіей: они не ограничатся завоеваніемъ міра, они принесутъ ему цивилизацію и здоровую литературу.

Но, ставя дѣйствіе на первое мѣсто, мы отнюдь не имѣемъ въ виду ту вздорную дѣятельность, которая главнымъ образомъ наполняетъ страницы исторіи. Историки, болѣе чѣмъ кто либо, способствовали дискредитированію воли, выставя на первый планъ безсмысленную и звѣрскую дѣятельность на поляхъ битвъ. Когда хладнокровно оцѣниваешь чудовищныя гекатомбы Наполеона I, то невольно поражаешься мизерными результатами этого кроваваго періода: ослабленіе Франціи на пятьдесятъ лѣтъ, урѣзанныя границы и пр.

Поэтому-то нужно тщательно отличать дѣятельность отъ агитаціи, называя ея лишь тѣ усилія, которыя стремятся освободить человѣческую личность отъ животныхъ свойствъ и увеличить общественное значеніе индивида.

Къ несчастью, для того чтобы человѣческое существо рѣшилось подавить въ себѣ дикіе порывы звѣря-предка, дремлющаго въ каждомъ изъ насъ, для того чтобы индивидъ имѣлъ возможность подчинить свой эгоизмъ общественной солидарности, необходима дисциплина воли, привычкой управлять собою и находящей поддержку въ безспорныхъ и общепризнанныхъ нравственныхъ вѣрованіяхъ.

Но кто не видитъ, что современное положеніе вещей особенно способно внушить безпокойство? Наши предки основали республику и завоевали для всѣхъ почти безусловную свободу; результатомъ же этого освобожденія отъ внѣшней опеки, которая должна была бы возмѣститься добровольнымъ признаніемъ моральныхъ

законовъ, является неслыханное нравственное паденіе и полное отсутствіе сознательнаго воспитанія воли и вѣры.

Мы нисколько не преувеличиваемъ; вѣдь за исключеніемъ большихъ католическихъ семинарій, въ которыхъ съ рѣдкимъ умѣньемъ ведется воспитаніе будущихъ священниковъ, нигдѣ не задаются цѣлью сознательно воспитывать волю и вѣру, предоставляя самой жизни научить дѣтей желать. Хорошо еще, что суровый, но спасительный законъ труда для поддержанія жизни дисциплинируетъ ихъ по выходѣ изъ школъ, хотя онъ и дѣлаетъ это въ слишкомъ личномъ, эгоистическомъ направленіи; къ тому же молодые люди «правлящихъ классовъ» большею частью ускользаютъ отъ его дѣйствія, какъ это можно наблюдать въ пивныхъ университетскихъ городовъ.

Что касается моральнаго кризиса, то онъ очевиденъ. Мы отрѣшились отъ вѣры нашихъ пращуровъ. Съ XVII столѣтія пропасть между нами и ими становится все шире и шире съ каждымъ годомъ. Нашъ умъ не мирится болѣе съ религіозными догматами. Чувствуется потребность въ болѣе возвышенныхъ религіяхъ, освобожденныхъ отъ древней миѣической оболочки, и даже большинство тѣхъ, которые считаютъ себя вѣрующими, не вѣруютъ, потому что вѣра не является ихъ единственной руководительницей.

Сама семья, глубокое откровеніе необходимости самопожертвованія и радостей самопожертвованія, заражена господствующимъ эгоизмомъ. Еслибы роковое заблужденіе Бисмарка и его послѣдователя, императора Вильгельма I, отнявшихъ у французовъ Эльзасъ и Лотарингію, не раскрыло намъ глаза на необходимость жертвовать собою ради отечества, — немногіе возвышались бы теперь надъ собственной личностью. Только этотъ страшный урокъ показалъ намъ ничтожество личности. Только узкій кругозоръ и недалководидность побѣдителей французскаго народа помѣшали жалкой нигилистической философіи Ницше распространиться среди университетскаго юношества во Франціи, подобно тому какъ она заплонила германскіе университеты: въ Германіи кризисъ страшнѣе, чѣмъ у насъ, такъ какъ нѣмцы, исключая развѣ социалистовъ,

повидимому утратили высшій смыслъ жизни: направленіе ихъ молодежи чисто матеріалистическое, и даже социалисты борются не за идеи, а за интересы.

Во всякомъ случаѣ, почти неизлечимая болѣзнь сосѣда не исцѣляетъ нашихъ болѣзней, и пора намъ, основавъ республику, приняться за воспитаніе республиканцевъ, т. е. развивать духъ солидарности и самопожертвованія.

Пора увѣнчать нашу систему обученія разумнымъ воспитаніемъ воли и вѣры, и заключеніе, къ которому мы приходимъ въ нашемъ трудѣ, таково, что *это воспитаніе вѣры возможно*. Можно, примѣняя соотвѣтственныя мѣры, развить въ самомъ себѣ и тѣмъ болѣе въ дѣтяхъ нравственныя вѣрованія, энергіи которыхъ никто и не подозреваетъ въ нашу эпоху, когда столько людей повторяютъ вполнѣ искренно, что безъ догматовъ нѣтъ морали. Если бы нравственность была связана съ господствующей вѣрой, всѣ умы, озабоченные будущностью родины и человечества, должны бы были готовить общественное мнѣніе къ возвращенію неумолимой инквизиціи и поставить на первое мѣсто въ ряду преступленій, достойныхъ смертной казни, религіозное невѣріе.

Но господствующія религіи принадлежать къ миѳическимъ, соотвѣтствующимъ дѣтскому періоду въ жизни человечества, первичнымъ формамъ выраженія вѣчной религіи справедливости и любви къ ближнему, — и на этой то религіи, освобожденной отъ мѳовъ, нерѣдко искажающихъ ее, мыслящіе умы могутъ сойтись съ тѣми простыми и честными людьми, которые, не углубляясь въ философію, своей благородной жизнью и подвигами самопожертвованія доказываютъ, что тайна человеческого значенія ими понята.

Освободиться отъ грубыхъ побужденій животной природы, всегда готовой возмутиться; довести до самыхъ мелкихъ подробностей уваженіе къ чужой личности; проникнуться сознаніемъ нашей общественной солидарности настолько, чтобы оно отражалось на всемъ поведеніи человѣка; воспитать въ себѣ уваженіе къ труду; слѣдовать рѣшительно и просто указаніямъ Высшей Воли, все яснѣе и яснѣе открывающейся тому, кто подчиняется ей, — вотъ существенные

«догматы» религіи, насажденію которой общество должно посвятить свои силы, если не хочет погибнуть въ варварской войнѣ изъ-за матеріальныхъ интересовъ и роскоши.

Когда мыслящая и дѣйствующая часть общества пойметъ свои обязанности по отношенію къ будущему, она поставитъ своей задачей это воспитаніе воли и убѣжденій молодого поколѣнія, она добьется, чтобы наши гимназіи и университеты, усилія которыхъ направлены теперь на слишкомъ интенсивное развитіе памяти, сдѣлали это воспитаніе цѣлью своихъ стремленій.

Самая наука отъ этого только выиграетъ, такъ какъ великія открытія обязаны своимъ происхожденіемъ не столько блестящимъ качествамъ ума, сколько энергіи упорнаго и дисциплинированнаго вниманія.

Перестанемъ создавать бесполезныхъ дилетантовъ, всецѣло преданныхъ обожанію своего ничтожнаго я, и пусть воспитаніе посвятитъ твердую волю своей энергіи на служеніе пылкой моральной вѣрѣ. Въ дѣлѣ начальнаго образованія уже и теперь можно замѣтить результаты послѣдовательныхъ и плодотворныхъ усилій; правда, учебный персоналъ большею частью не оказывается на высотѣ такой великой задачи, но общественная работа то-же, что литературная: писатели, ожидающіе вдохновенія, ничего не пишутъ; первое условіе для того, чтобы написать, — начать писать. Вдохновеніе не замедлитъ явиться къ тѣмъ, которые сдѣлали все, чтобы его заслужить: то-же самое во всякой общественной работѣ. Если мы будемъ дожидаться удовлетворительныхъ работниковъ, у насъ ничего не выйдетъ. Но если приняться за дѣло рѣшительно, съ тѣми силами, какія есть подъ рукой, то мало-по-малу найдутся и могущественныя средства дѣйствія, и у того, кто съумѣетъ начать, дѣйствіе будетъ становиться все болѣе и болѣе плодотворнымъ и изобрѣтать подходящія орудія.

Нѣтъ болѣе увлекательнаго зрѣлища, чѣмъ зрѣлище спокойной, увѣренной въ себя и въ будущее, воли.

Будемъ же дѣйствовать, добиваясь того, чтобы за одно съ нами дѣйствовала энергія многихъ тысячъ желаній, вдохновляемыхъ стремленіемъ къ лучшему.

Въ арміи уже дѣлаются робкія попытки въ этомъ направленіи. Крайне жаль, что въ военныхъ школахъ не готовятъ молодыхъ офицеровъ къ ихъ будущей роли воспитателей, и лишь избранное меньшинство между ними предвидитъ важную роль, которая предстоитъ имъ въ будущемъ. Много ли можно насчитать между ними такихъ, которые стараются уразумѣть свѣтлые уроки солидарности и взаимнаго участія, въ изобиліи представляемые военною жизнью для мыслящихъ людей? И какое позорное зрѣлище представляетъ офицеръ, который оскорбляетъ своихъ солдатъ, подавая имъ примѣръ неумѣнья владѣть собой! Моралисты и патріоты не могутъ безъ грусти думать, какое всемогущее воспитательное значеніе могли бы имѣть эти три года пассивнаго послушанія, пропадающіе теперь зря.

Кто не понимаетъ, что еслибы воспитаніе велось послѣдовательно отъ школьной скамьи до солдатчины и до выхода изъ университета, избранная часть націи была бы воодушевлена несокрушимой нравственной вѣрой, которая сдѣлала бы изъ нашей націи первую изъ первыхъ? Кто не понимаетъ, что тогда и печать посвятила бы свои силы служенію социальнымъ идеямъ, потому что печать—вѣрное изображеніе общества, и обвиняя ее въ нравственномъ упадкѣ, мы въ сущности осуждаемъ самихъ себя?

Въ концѣ концовъ настоящая задача всякаго, кто думаетъ, пишетъ или дѣйствуетъ,—распространять въ массѣ народа стройную систему могущественныхъ и дѣйствительныхъ моральныхъ вѣрованій. Не будемъ поддаваться унынію при видѣ пустѣющихъ деревень, изъ которыхъ населеніе бѣжитъ въ города, и ста сорока семи тысячъ кабаковъ и пивныхъ, въ которыхъ два милліона французовъ дурѣютъ отъ пьянства: мы твердо вѣримъ въ конечное пораженіе «человѣка-звѣря». Онъ уже въ значительной степени утратилъ свою первобытную дикость.

Не будемъ также чрезмѣрно волноваться по поводу моральнаго кризиса: упадокъ позитивизма догматовъ и метафизики сдѣлалъ очевиднымъ безсиліе всякихъ попытокъ основать понятіе долга на абсолютной увѣренности. Но оче-

видно также и то, что всякое поведеніе, нравственное или нѣтъ, предполагаетъ извѣстный выборъ, утвержденіе или отрицаніе, которое переходитъ за предѣлы нашего опыта и проникаетъ въ *непознаваемое*. Улиссъ, еслибы онъ былъ даже знакомъ со всѣми тонкостями нашей метафизики, все-таки не могъ бы убѣдить своихъ спутниковъ, превращенныхъ въ свиней, что они напрасно предпочитаютъ свое новое положеніе старому; нравственность есть результатъ сознательнаго выбора той или другой метафизической гипотезы, касающейся смысла человѣческой жизни, но, *разъ выборъ сдѣланъ, мы можемъ превратить ее въ вѣрованіе непобѣдимой энергии*.

Всѣмъ, кто заботится о завтрашнемъ днѣ, слѣдуетъ пропагандировать словомъ, перомъ, собственнымъ примѣромъ, и въ случаѣ необходимости силой, чистую нравственную жизнь. Каждый въ своей сферѣ долженъ научиться сдерживать по мѣрѣ силъ, безъ горячности и злобы, съ холоднымъ спокойствіемъ, подобающимъ тому, кто работаетъ для вѣчнаго дѣла, всякія проявленія эгоизма, гордости, раздражительности, и съ теченіемъ времени—подъ вліяніемъ этой инквизиціи новаго рода—сформируются моральныя вѣрованія, которыя преобразуютъ современное состояніе общества. Будущность принадлежитъ людямъ съ нравственными вѣрованіями—не теоретическими и абстрактными—но живыми, юными и всегда готовыми перейти въ дѣло и самопожертвованіе.

Жюль Пэйо.